

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-173-178

ЕВСТРАТОВ Тимур Дмитриевич,
аспирант МФПУ «Синергия»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ УСТУПКИ БУДУЩИХ ПРАВ ТРЕБОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена правовая природа уступки будущих прав, выявлены ее особенности. Также исследована история становления данной конструкции в российском праве, приведены мнения исследователей относительно возможности уступки будущих прав. Кроме того, дана оценка введению в действие ст. 388.1 ГК РФ, определен критерий отграничения уступки будущих прав от «традиционной уступки», а также были освещены проблемные аспекты уступки будущих прав, обоснована целесообразность дополнения содержания нормы ГК РФ.

Ключевые слова: уступка будущих прав требования, реформа 2013-2014 гг., запрет на уступку будущих прав, проблемные аспекты уступки будущих прав.

EVSTRATOV Timur Dmitrievich,
postgraduate student at the Synergy
Institute of Physics and Technology

FEATURES OF ASSIGNMENT OF FUTURE CLAIM RIGHTS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. This article examines the legal nature of the assignment of future rights and identifies its features. The article also examines the history of the formation of this construction in Russian law, and provides the opinions of researchers regarding the possibility of assignment of future rights. In addition, an assessment was given of the enactment of Article 388.1 of the Civil Code of the Russian Federation, a criterion was defined for distinguishing the assignment of future rights from a "traditional assignment", and problematic aspects of the assignment of future rights were highlighted, and the expediency of supplementing the content of the norm of the Civil Code of the Russian Federation was substantiated.

Key words: assignment of future claims, reform 2013-2014, prohibition on assignment of future rights, problematic aspects of assignment of future rights.

В актуальной экономической действительности в значительной степени распространено использование института уступки права из обязательств в будущем. Для зарубежных стран, относимых Международным валютным фондом к числу развитых [16], характерна широкая распространенность в практике названного правового института. Действующее в настоящий момент отечественное правовое регулирование, по мнению некоторых исследователей, «не сформировало полного понимания об уступках будущих прав» [14, с. 209].

Для выявления особенностей уступки будущих прав требования первоначальной следует определиться с понятием самого «будущего права». В соответствии с п. 1 ст. 388.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК

РФ) будущее право определено как «требование по обязательству, которое возникнет в будущем» [1]. Данное право не имеет места на момент заключения сделки, предмет которой оно составляет, при этом оно может возникнуть в будущем. В настоящее время актуальное законодательство не содержит общей нормы о будущих правах, однако некоторые правовые нормы прямо предусматривают, что данные права могут являться объектом гражданского оборота. Так, общие положения купле-продаже, закрепленные в ГК РФ допускают, что товары, которые будут созданы в будущем могут быть предметом договора купли-продажи. При этом нормы ст. 454 ГК РФ предусматривают, что положения о купле-продаже применяются также и к имущественным правам. Положения ГК РФ, регулирующие отношения

по финансированию под уступку денежного требования (факторинг) напрямую предусматривают «будущее требование» - денежное требование по обязательству, которое возникнет в будущем. Нормы о залоге также устанавливают, что имущество (включая и имущественные права), приобретаемые залогодателем в будущем, может быть предметом залога.

Нормы отечественного гражданского права признавали существование будущих прав и до изменений, введенных в ГК РФ в 2013 – 2014 гг., однако не регулировали напрямую возможность сторон для согласования условий об уступке будущих прав, а также не содержали прямого запрета данной уступки. Это порождало необходимость изыскания решения в работах исследователей, а также материалах судебной практики.

Ряд исследователей не признавали существование возможности уступки будущих прав, основываясь на различных доводах. Основными аргументами сторонников указанной позиции являются сомнения исследователей в экономической свободе цедента, а также противоречие идеи уступки будущих прав положению доктрины гражданского права, определяющему, что объект, которым лицо распоряжается, должен быть индивидуализирован [14, 210].

По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, лицо не может передать права третьему лицу в большем объеме, чем тот, которым обладает он сам. В момент заключения соглашения не представляется возможным установить объем прав, подлежащих передаче, в связи с чем, по мнению ученых, сделка будет являться «пустой» [8, с. 401]. Исследователи исходили из того, что в момент уступки будущих прав обязательство, порождающее будущее требование не может быть определено, и, в связи с этим договор уступки не содержит в себе предмета. В силу закона предмет является существенным условием для всех видов договора, а его отсутствие делает договор уступки незаключенным в отношении будущих требований.

Данной аргументации придерживался и В.А. Белов. Автор обращал внимание на то, что отсутствие возможности индивидуализации будущих прав, уступаемых по договору, составляет основную проблему. Ученый считал, что индивидуализирующими признаками любого субъективного гражданского права являются предмет, кредитор, должник, содержание требования и основание его возникновения. Отсутствие таких признаков у будущих прав, по мнению автора, порождает отсутствие самого обязательства. Автор отмечает, что в данном случае субъектный состав уступки нарушается, в связи с чем она не может быть применена в отношении будущих прав [7, с. 57].

Представляется, что установление запрета на уступку будущих прав могло бы привести к определенным нежелательным последствиям, среди которых следует назвать необходимость дополнительного заключения сторонами акта об уступке, а также не вполне определенное положение стороны в период между моментами заключения соглашения об уступке и заключения акта уступки.

На наш взгляд, вышеприведенные точки зрения исследователей являются логичными и обоснованными, однако, мы не можем поддерживать идею запрета уступки будущих прав. Уступка требований, возникающих в будущем, осуществляется за рубежом на основании правовых норм национальных законодательств, различными международными актами, к которым относятся, в том числе, Оттавская конвенция о международном факторинге, Конвенция ООН об уступке дебиторской задолженности Модельные правила европейского частного права, Принципы УНИДРУА [2] и др.

Достаточное правовое регулирование уступки будущих прав в иностранных государствах представляет собой результат закономерного постоянного развития сложившихся правовых конструкций, обусловленного потребностями гражданского оборота. Для механизма частноправового регулирования свойственна направленность на всевозможное содействие субъектам отношений в реализации их интересов, в связи с чем диспозитивность является определяющей характеристикой гражданско-правового метода. Императивный метод, выражаемый в виде запрещающих норм, применяется в гражданском праве к конструкциям, являющимся «несправедливыми и вредными с точки зрения нормальной функционирующих экономических отношений» [15, с. 26].

Представляется, что для актуального делового оборота наличие конструкции уступки будущих прав является необходимым. Она создает для возможность быстрого получения денежных средств цедентом в обмен на передачу прав требования, возникающих у него в будущем. Для лица, приобретающего будущие права требования, интерес состоит, в том числе и в том, что стоимость их приобретения будет существенно ниже, чем при приобретении уже возникших прав. В.В. Васнев указывает, что во многих случаях использования конструкция уступки будущих прав служит целям инвестирования (при проектном финансировании) и сделок секьюритизации, когда предметом уступки становятся «проблемные активы» в будущем (например, будущая дебиторская задолженность, которая может реализовываться «оптом») [9, с. 16]. В данных обстоятельствах оче-

видно, что сдерживание развития гражданского оборота посредством установления запретов на уступку будущих прав будет неэффективно и нецелесообразно.

Возможность и польза применения конструкции уступки будущих прав может быть обоснована и посредством теоретических положений. Так, представляется необходимым отграничить явление «уступки права», т.е. переход, правопреемство и договор цессии. Для обыкновенной цессии данное разделение не обладает большой практической ценностью ввиду того, что уступаемое право переходит к приобретателю непосредственно в момент заключения договора. При этом не исключается возможность предусмотрения сторонами в условиях договора обязанности cedента по передаче права, которое возникнет в будущем, а непосредственно уступка права будет осуществляться в будущем, после фактического возникновения такого права [13, с. 48]. Е.А. Крашенинников также придерживался указанной точки зрения, основываясь на работах немецких ученых-цивилистов [12, с. 80].

Целесообразно вновь упомянуть аналогию с договором купли-продажи. Указанный договор носит консенсуальный характер; после согласования сторонами существенных условий договора у покупателя возникает право требовать передачи товара от продавца. При этом физическое наличие товара у продавца не имеет значения, указанное право у покупателя возникает в любом случае, как и обязанность продавца передать товар [10, с. 76]. Поскольку данные умозаключения относимы к купле-продаже вещей, то они вполне относимы и к передаче имущественных прав.

Основываясь на теоретических исследованиях, а также на логику экономических и правовых соображений допустимости уступки будущих прав, в 2000-х гг. суды признавали такие сделки соответствующими закону. Документ, положивший начало правовому регулированию исследуемой конструкции, был принят в 2007 г. в виде Информационного письма ВАС РФ от 30.10.2007г. № 120 [3]. Судом прямо указывалось, что соглашение сторон об уступке будущего права не противоречит нормам законодательства. Суд ссылаясь на уже приведенный выше довод о разделении уступки (передачи) права, которая может быть осуществлена только вследствие приобретения (или возникновения) этого права cedентом и передачи данного права по договору, который может быть заключен в любой момент.

Окончательно данный вопрос был урегулирован законодателем посредством введения в действие ст. 388.1 ГК РФ, положения которой непосредственно регулировали уступку будущих

прав. Это явилось подтверждением позиции, сложившейся в судебной практике и поддерживаемой значительным количеством исследователей.

В соответствии с положениями, закрепленными в указанной норме, сделка уступки права требования может совершаться по отношению к требованиям, которые или возникнут в будущем или будут приобретены cedентом у третьего лица. Также норма содержит понятие «будущее требование», уже сформировавшееся в нормах, регулирующих договор факторинга.

Необходимо отметить и существовавшую в доктрине дискуссию, связанную с трактовкой понятия будущих требований. Так, некоторые исследователи считали, что к таким требованиям относятся как права, возникающие в будущем, так и требования из уже действующих договоров, срок исполнения которых не наступил. Примером может послужить кредитный договор, заключаемый между банком и должником. Требование о возврате суммы займа возникает в момент заключения договора, однако реализация такого требования может быть осуществлена банком не раньше, чем наступит срок исполнения. В данном случае присутствует смешение будущих и созревших прав, что представляется недопустимым. Материалы судебной практики свидетельствуют, что требование займодавца о возврате суммы займа до наступления срока его возврата не является будущим. При этом при уступке такого требования, стороны договора цессии могут согласовать и более поздний момент перехода требования к цессионарию [5].

Данная позиция находит свое отражение и в материалах судебной практики. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 №54 определило, что уступаемое требование, уже принадлежащее cedенту, срок исполнения которого не наступил на момент заключения договора уступки, не может являться будущим. Примером служит требование займодавца о возврате суммы займа до наступления срока возврата. Данная ситуация квалифицируется не как уступка будущих прав, а «традиционная» цессия.

Проведенные в законодательстве изменения решили вопрос об относимости несозревших требований к будущим правам. Это сыграло важную роль для практики правоприменения в аспекте разницы моментов перехода прав к цессионарию от cedента в двух названных случаях. Будущее требование переходит к цессионарию в момент возникновения такого права у cedента, если иное не предусмотрено соглашением сторон (п. 2 ст. 388.1 ГК РФ). Кроме того, переход права цессионарию невозможен до возникновения такого права у cedента. В случае, если право является возникшим, но не созревшим, момент

передачи будет отличаться. На основании положений закона (ст. 389.1 ГК РФ) момент передачи права соответствует моменту заключения договора уступки.

В продолжение вышеуказанного следует отметить, что также имеет место ряд проблемных аспектов, формирующихся по поводу прав, возникновение которых ставится в зависимость от отлагательного условия (право требования из условных сделок). Так, в науке отсутствует единство по следующему вопросу. Дискуссия разворачивается в отношении возможности существования таких прав до наступления отлагательного условия и характеристики их как незрелых, а также в отношении того, находится ли возникновение таких прав в зависимости от наступления условия [11, с. 587]. По нашему мнению, более обоснованной является вторая из названных точек зрения. Поскольку передаваемые права возникают из условной сделки и цедент не оказывает влияния на наступление условий, права характеризуются как будущие, в отношении которых отсутствует определенность – возникнут они или нет.

Основным критерием правомерности уступки будущего требования является определение такого требования способом, который позволяет идентифицировать это требование на момент его возникновения или перехода (ч. 1 ст. 388.1 ГК РФ). Сходным образом регулируется данный вопрос и в актах международного уровня, нормы которых регулируют уступку будущих прав [2]. Установление в законе требования о возможности идентификации связано с приведенным выше доводом о том, что право может быть не определенным, но определимым. Способ идентификации будущих прав, по мнению А.Г. Карапетова, представляет собой существенное условие договора уступки таких прав [11, с. 588]. Так, в договоре уступки может быть указано, что передача прав по договору с первым контрагентом состоится в следующем месяце, либо права по всем договорам поставки передаются в течение года. Материалами судебной практики подтверждается, что отсутствие в договоре цессии условий и признаков, позволяющих идентифицировать будущее требование, является нарушением положений ст. 388.1 ГК РФ [6].

Уступка будущих прав связана с риском того, что такие права могут вообще не возникнуть у цедента. Такой риск возлагается на цедента, поскольку он непосредственно связан с интересами цессионария. Стороны вправе также согласовать в условиях договора период времени, в течение которого передаваемые права должны возникнуть. В случае, если за согласованный

отрезок времени права так и не возникли, у цессионария возникает право на отказ от исполнения договора, а также на предъявление цеденту требования о возврате полученных им денежных средств.

Думается, что в случае, если стороны при заключении договора не согласовали такое условие о сроке, при возникновении спора он может быть определен судом посредством применения аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) и указания на «разумный срок», в течение которого стороны договора ожидают возникновения определенного права. Представляется, что данный способ регулирования является эффективным, поскольку для цивилистики не характерна «вечная неопределенность» в правоотношениях сторон. Стороны правоотношения на основании соответствующей презумпции являются разумными, а также являются в должной степени осмотрительными, что позволяет предположить крайне низкую вероятность добровольного установления ими абсолютной временной неопределенности в вопросе исполнения обязательств. Представляется, что для наиболее полного правового регулирования содержание ст. 388.1 ГК РФ нуждается в дополнении пунктом 3, которым будет установлено следующее:

3. Соглашение сторон может предусматривать срок, в течение которого должны возникнуть будущие требования. Отсутствие условия о сроке может быть восполнено судом с применением правил разумного срока.

Риск не возникновения прав, подлежащих передаче, может быть распределен и на цессионария. Так, стороны могут согласовать условие об уступке прав требования, возникающих из всех своих будущих деликтных обязательств. При отсутствии деликтов и, как следствие, отсутствии требований, цессионарий не обладает возможностью возврата уплаченных денежных средств. Представляется, что в данных случаях следует избегать возложения риска на цессионария применимо к требованиям, наступление которых находится в зависимости от условий, на которые может оказывать влияние цедент.

Представляется возможным сформулировать выводы. По нашему мнению, введение в действие ст. 388.1 ГК РФ следует оценивать положительно. Данная конструкция широко используется в зарубежных правовых системах, а также в международном торговом праве.

Требования по обязательствам, которые возникнут в будущем, должны быть либо определенными, либо определимыми, ввиду чего договор уступки должен включать способ идентификации таких прав. Основным отличием уступки буду-

щих прав от «обыкновенной» цессии является момент перехода прав. При «обыкновенной» уступке права переходят к цессионарию в момент заключения сторонами договора цессии. При уступке будущих прав момент перехода определяется моментом возникновения (или приобретения) таких прав у cedenta. В этом случае момент возникновения прав является также и моментом их перехода к cedentu.

Также были приведены проблемные аспекты уступки будущих прав. Установлена необходимость отграничения будущих и несозревших прав. Выявлено, что права, возникающие ввиду заключения сделок с отлагательным условием, следует относить к будущим, а не к несозревшим правам. Кроме того, представляется целесообразным дополнение содержания ст. 388.1 ГК РФ пунктом 3, который бы указывал сторонам на возможность согласования срока, в течение которого передаваемые права должны возникнуть у cedenta. В случае, если сторонами такой срок не был согласован, то он может быть установлен судом. Если за согласованный сторонами период времени права так и не возникли, то цессионарий вправе отказаться от договора и предъявить cedentu требование о возврате уплаченных денежных средств.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Принципы международных коммерческих договоров. UNIDROIT. М., изд. «Международные отношения», 2004. – 42 с.
- [3] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 №120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС. 2008. №1.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 №54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №3.
- [5] Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 № 88-8527/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
- [6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.07.2024 по делу № А40-200153/2023. Банк решений // [Электронный ресурс]: URL: <https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/5a8a2603-1d47-411c-bb68-2e51df4e9010/f16c73fd-7447-4e53-a8ee-369aac7ff01a>

/%D0%9040-200153-2023__20240724.pdf?isAddStamp=True (дата обращения – 30.10.2024)

- [7] Белов В.А. Содержание и действие договора уступки // Законодательство. 2001. №2. С. 5-8.
- [8] Брагинский М.И. Договорное право: в 5 т. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М., 2002. Т.1: Общие положения. – 476 с.
- [9] Васнев В.В. Уступка прав из обязательств, которые возникнут в будущем // Вестник ВАС. 2006. №10. С. 27-42.
- [10] Иванова А.Е. Проблемы цессии в судебной практике // Марийский юридический вестник. 2017. №1 (20). С. 113-115.
- [11] Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.

[12] Крашенинников Е.А. Допустимость уступки требования // Хозяйство и право. 2000. №8. С. 78-85.

[13] Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003. – 494 с.

[14] Перченко С.В., Мкртчян А.Д. Уступка будущего права (требования). Modern Science. № 10-3, 2019. С. 208-210.

[15] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. – 351 с.

[16] Список развивающихся, развитых и неразвитых стран. NONEWS // [Электронный ресурс]: URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/advanced-developing-market> (дата обращения - 24.10.2024)

Spisok literatury:

- [1] Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. № 32. St. 3301.
- [2] Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov (Principy UNIDRUA) // Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov. UNIDROIT. М., изд. «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2004. – 42 с.
- [3] Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 30.10.2007 №120 «Obzor praktiki primeneniya arbitrazhnyimi sudami polozhenij glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS. 2008. №1.
- [4] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 №54 «O nekotoryh voprosah primeneniya polozhenij glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o peremene lic v obyazatel'stve na osnovanii sdelki» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2018. №3.

[5] Opređenje Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 19.09.2023 № 88-8527/2023 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[6] Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 24.07.2024 po delu № A40-200153/2023. Bank reshenij // [Elektronnyj resurs]: URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/5a8a2603-1d47-411c-bb68-2e51df4e9010/f16c73fd-7447-4e53-a8ee-369aac7ff01a/%D0%9040-200153-2023__20240724.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya – 30.10.2024)

[7] Belov V.A. Soderzhanie i dejstvie dogovora ustupki // Zakonodatel'stvo. 2001. №2. S. 5-8.

[8] Braginskij M.I. Dogovornoe pravo: v 5 t. / M.I. Braginskij, V.V. Vitryanskij. M., 2002. T.1: Obshchie polozheniya. – 476 s.

[9] Vasnev V.V. Ustupka prav iz obyazatel'stv, kotorye vozniknut v budushchem // Vestnik VAS. 2006. №10. S. 27-42.

[10] Ivanova A.E. Problemy cessii v sudebnoj praktike // Marijskij yuridicheskij vestnik. 2017. №1 (20). S. 113-115.

[11] Karapetov A.G. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii. M.: M-Logos, 2017. – 1120 s.

[12] Krashenninnikov E.A. Dopustimost' ustupki trebovaniya // Hozyajstvo i pravo. 2000. №8. S. 78-85.

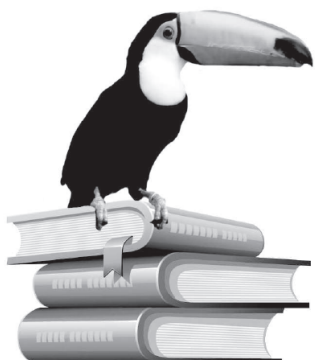
[13] Novoselova L.A. Sdelki ustupki prava (trebovaniya) v kommercheskoj praktike. Faktoring. M.: Statut, 2003. – 494 c.

[14] Perchenko S.V., Mkrtchyan A.D. Ustupka budushchego prava (trebovaniya). Modern Science. № 10-3, 2019. S. 208-210.

[15] Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2001. – 351 s.

[16] Spisok razvivayushchihsya, razvityh i nerazvityh stran. NONews // [Elektronnyj resurs]: URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/advanced-developing-market> (data obrashcheniya - 24.10.2024)

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.